

Вдругъ онъ вспомнилъ о своей оплошности и на половинѣ дороги „рѣшилъ поправить свою ошибку и торжественно поднялъ эту завѣтную руку“. Щепкинъ вспоминаетъ еще объ одномъ сценическомъ приѣмѣ того времени: „актеръ на сценѣ, говоря съ однимъ лицомъ и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой“.

Публика любила эти эффекты: они потрясали ея нервы, пугали, ужасали ее. И въ награду за сильныя ощущенія она усердно награждала эффектныхъ актеровъ горячими взрывами аплодисментовъ.

Щепкинъ, который былъ такъ воспріимчивъ, такъ быстро усвоивалъ всякіе уроки, легко и скоро научился всѣмъ этимъ приѣмамъ игры. Согласно тогдашнимъ правиламъ, онъ игралъ неестественно, шумно, съ завываніями и подыманіемъ указательнаго перста въ патетическихъ сценахъ. За это всѣ были имъ довольны: и актеры, и публика.

И долго, быть можетъ, онъ находился бы на такой ложной дорогѣ, если бы не счастливый случай, который открылъ ему глаза и указалъ на вѣрный путь. Это было такъ. Слыхалъ онъ, что курскій вельможа, князь П. В. Мещерскій, замѣчательно играетъ на сценѣ,—конечно, на домашнихъ спектакляхъ. Но Щепкину, какъ онъ ни добивался, никогда не удавалось видѣть игру князя.

Такъ какъ лѣтомъ спектаклей не было, то Щепкинъ на вакаціи принялся въ 1810 году учиться рисовать у академика Ушакова, который славился, какъ